

УДК 821.161.1-1Цветаева«19»

С. А. Фокина,

кандидат филологических наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

кафедра мировой литературы

**СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНА
РЕВНОСТИ В АВТОРСКОМ МИФЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ 1920-Х ГОДОВ**

В статье исследуется осмысление М. Цветаевой феномена ревности сквозь призму мировоззренческих доминант ее художественного дискурса 1920-х годов. Анализируется влияние авторских кодов на художественное своеобразие стихотворения М. Цветаевой «Попытка ревности». В контексте цветаевского мифа рассматриваются показатели смыслопорождения.

Ключевые слова: феномен ревности, смыслопорождение, авторские коды, авторский миф, мировоззренческие доминанты.

Актуальность поставленной проблемы связана с возрастающим интересом современного цветаеведения к изучению творчества М. Цветаевой в аспекте выявления мировоззренческих основ художественной системы поэтессы.

Среди творческого наследия М. Цветаевой «Попытка ревности» представляется одним из показательных произведений в плане экспликации доминант авторского мировоззрения. Достаточно вспомнить, что А. Саакянц назвала «Попытку ревности» стихотворением «на все времена, покуда существуют <...> любовь и расставание» [12, 387], В. Швейцер отметила полиадресный характер этого лирического послания. Также существуют статьи, посвященные исследованию данного поэтического текста с точки зрения теории перевода (М. В. Цветкова [16, 17]) и адаптации стихотворения к изучению в школе (Т. А. Таянова [13]). Однако изученность «Попытки ревности» носит весьма фрагментарный характер. Не исследована смысловая структура стихотворения в соотношении с интерпретацией цветаевских авторских кодов. Кроме того, уделено явно недостаточно внимания выявлению и анализу мировоззренческого пласта, обусловившего специфику истолкования М. Цветаевой феномена ревности.

Цель данной статьи – поливалентный анализ смыслопорождающего потенциала феномена ревности в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности» в контексте влияния скрытых авторских кодов.

Авторские коды задают как идентичность произведения в контексте всей художественной системы автора, так и направление истолкования текста. Согласно Ю. М. Лотману, кроме фактора эстетического воздействия, своеобразие произведений искусства состоит в том, что они «чрезвычайно <...> емкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации» [9, 10]. В аспекте проблемы данной статьи интерес представляет и другая мысль Ю. М. Лотмана: «Разнообразие текстов и разнообразие личностей обеспечивают информационную емкость культуры как интеллектуального текстопорождающего устройства» [8, 168]. В этой связи целесообразно также вспомнить утверждение Е. Фарыно, что «творчество одного автора от творчества другого отличается, прежде всего, *репертуаром* признаков, предпочтений и, более того, устойчивой связью определенных признаков

с определенными смыслами <...> Это постоянство признаков и их значимостей называют обычно авторским кодом» [14; 48]. Следуя этой точке зрения, глубинному пониманию самобытности художественного текста в соответствии именно с авторским замыслом и особенностями личности творца способствует распознавание в первую очередь доминантных авторских кодов. Код, как известно, «приписывает элементам текста и тексту в целом определенные значения, задает правила построения текста и условия его понимания» [6, 297]. Понятие авторского кода, «подразумевающее системность авторских выборов, по-иному освещает как само произведение, так и его интерпретацию» [14, 49]. Именно авторские коды стимулируют процесс смыслопорождения.

Моделирование поэтического универсума в цветаевской «Попытке ревности» основывается на интерпретации поэтической ревности как феномена. Смыслопорождающий потенциал ревности способствует интимизации поэтического текста, а также активизации его магического статуса, что принципиально для авторского мифа М. Цветаевой 1920-х годов.

Попытка ревности

Как живётся вам с другою, – Проще ведь? – Удар весла! – Линией береговой Скоро ль память отошла	Как живётся вам с чужою, Здешнею? Ребром – любя? Стыд Зевесовой вожжою Не охлёстывает лба?
Обо мне, плывучем острове (По небу – не по водам!) Души, души! быть вам сёстрами, Не любовницами – вам!	Как живётся вам – здоровится – Можется? Поётся – как? С язвою бессмертной совести Как справляетесь, бедняк?
Как живётся вам с простою Женщиною? Без божеств? Государыню с престола Свергши (с одного сошед),	Как живётся вам с товаром Рыночным? Оброк – крутой? После мраморов Каррары Как живётся вам с трухой
Как живётся вам – хлопочется – Ёжится? Встаётся – как? С пошлюхой бессмертной по- шлости Как справляетесь, бедняк?	Гипсовой? (Из глыбы высечен Бог – и начисто разбит!) Как живётся вам с сто-тысячной – Вам, познавшему Лилит!
«Судорог да перебоев – Хватит! Дом себе найму». Как живётся вам с любовью – Избранному моему!	Рыночною новизною Сыты ли? К волшбам остыв, Как живётся вам с земною Женщиною, без шестых
Свойственное и съедобнее – Снедь? Приестся – не пеняй... Как живётся вам с подобием – Вам, поправшему Синай!	Чувств? Ну, за голову: счастливы? Нет? В провале без глубин – Как живётся, милый? Тяжче ли, Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

Уже само название стихотворения в контексте устойчивых авторских кодов и символов лирической системы М. Цветаевой обретает знаковую природу. С одной стороны, ревность воспринимается М. Цветаевой как обостренное

экзистенциально-экстатическое переживание длящегося расставания. С другой, ревность поэтессы осмысляет согласно этимологии этого слова, расшифровывая его как рвение и даже как отмеченность Иномирьем. По наблюдению Л. Зубовой, «именно рвение, стремление к победе духовного начала над телесным Цветаева называет ревностью богов в современном смысле этого слова» [4, 71]. Подобная интерпретация ревности создает ситуацию освобождения этого чувства от эротического начала и осмысления ревности как дерзания вырвать избранника из «земной юдоли», одухотворив его своей сопричастностью запредельному – поэтической стихии. Но не следует забывать, что особенностью поэтического мира М. Цветаевой становится двуплановость, задающая направление интерпретации ее лирики «на высшем уровне текста и на низшем» [3, 100]. Поэтесса, как правило, включает в текст своих стихотворений коды, отсылающие как к прочтению, затрагивающему духовно-экзистенциальную сферу, так и к эротическому подтексту.

С точки зрения А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, авторов «Семиотики страстей», ревность «находится на пересечении двух конфигураций: **привязанности** и **соперничества**» [2, 199]. В цветаевском поэтическом универсуме сопряжение привязанности и соперничества как важнейших доминант ревности проявляется в утверждении высшей степени интенсивности переживания лирического «я». В записных книжках М. Цветаева замечает: «Любовь без ревности есть любовь вне пола. <...> В ревности ведь элемент – признания соперника, хотя бы – права его на существование. <...> В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо-низшему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность заменяется презрением. <...> есть именно ревность в ее безысходности, ревность к стихии – и потому – стихийная. <...> И чем *нулевее* соперник – тем *полнее* ревность...» [15, т. 4/2, 186]. В осмыслении М. Цветаевой соперничество наделяет ревность в полной мере безысходностью страдания, но фигура соперника воспринимается ее, все же, как случайность.

В цветаевском мире ревность определяет своеобразие коммуникации, эмоциональным центром которой всегда выступает покинувший возлюбленный. Такая коммуникативная стратегия акцентирует неистовство чувства, оказывающееся сильнее возникшей отдаленности адресата и затмевающее зыбкий образ соперницы. Кроме того, «привязанность может остаться неизменной независимо от эволюции отношений между субъектом и объектом: так, субъект может мечтать о соединении с объектом даже в случае смерти или исчезновения последнего» [2, 211]. При различных условиях коммуникации неизбежность ревности неизменно обыгрывается М. Цветаевой как стремление к духовной победе.

Экстатичность присущая психосфере, моделируемой в поэтическом мире М. Цветаевой, способствует тому, что включение любого переживания в ее орбиту трансформирует изображаемое чувство до его апогея, неизменно наделяя неистовостью. Поэтому, ревность, будучи чувством амбивалентным по своей природе, обеспечивает напряженность «лирического тока». Согласно мнению А. Бахраха, «даже в таких патетических и, казалось бы, кровью сердца написанных стихах, как «Попытка ревности», не какое-то конкретное чувство вдохновляло ее на эти вызывающие строки, а, напротив, ее ревность (если таковая имела место) питалась и росла от поэтической удачи» [1, 14].

В авторском мире М. Цветаевой тема ревности тесно связана с мотивом колдовства. Ревнующая зачастую оказывается чернокнижницей-ворожеей, достаточно вспомнить стихотворение 1918 года «Развела тебе в стакане...», которое М. Мейкин считает своего рода предтечей «Попытки ревности». Коммуникативная на-

правленность стихотворения «Развела тебе в стакане...» определяется следующей сюжетной позицией: «лирическая повествовательница использует колдовские чары, чтобы разлучить (более молодого, чем она) адресата с его (юной) женой за то, что тот, возможно, покинул повествовательницу» [10, 43].

В 1920-е годы создание «Попытки ревности» ознаменовало новое истолкование темы. Ревность, выносимая в название, и обращенность к покинувшему возлюбленному на сей раз приближают статус высказывания к оккультному. Предельная интенсивность лирического переживания, эксплицируемая в «Попытке ревности» наделяет поэтическое высказывание силой перформатива. Такое предположение подтверждают слова И. Эренбурга об этой особенности цветаевского дарования, отразившейся наиболее полнокровно именно в вышеупомянутом стихотворении. В восприятии И. Эренбурга М. Цветаева «умела ворожить словами, как слагатели древних заговоров» [19, с. 99]. Действительно, организация дискурса лирического «я» в этом стихотворении на ритмическом, тематическом и архетипическом уровнях строится как стилизация любовного заговора. Как известно, творящий заговор должен ощутить «себя причастным сверхъестественному миру» и внушить «это другим, включая неземные силы» [11, 370]. Дискурс ревнующей моделирует подобие заклинания. Ревность активизирует колдовские потенции, присущие в цветаевском мифе лирическому «я».

Слово в «Попытке ревности», приобретая магическую силу, наделяется способностью не только преодолеть расстояние, разделяющее коммуникантов, но и с помощью колдовства трансформировать ситуацию. Страстное неистовство лирического «я» изливается не в проклятиях или жалобах, а в уличении покинувшего возлюбленного в выборе своей судьбы, унижающей его в глазах ревнующей:

Как живётся вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),
Как живётся вам – хлопочется –
Ёжится? Встаётся – как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

Первым адресатом стихотворения «Попытка ревности» является К. Родзевич, с которым М. Цветаеву связывали, в период предшествующий созданию стихотворения, любовные отношения. Ряд биографов считают, что именно к К. Родзевичу М. Цветаева испытывала наиболее сильную страсть, выделяющую его среди иных возлюбленных. В письме к К. Родзевичу М. Цветаева писала: «Я в первый раз люблю счастливого, и может быть в первый раз ищущего счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! Я в Вас чувствую силу, этого со мной никогда не было. <...> Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли» [13, т. 6/2, 331].

Разрыв с К. Родзевичем, положивший конец возможности счастливой любви и зародившееся чувство ревности, обусловившие биографический подтекст стихотворения-послания, осмыслиются поэтессой как знаковая ситуация.

Видимо, позднее М. Цветаева перепосвятила «Попытку ревности». Известна версия, что это стихотворение обращено к М. Слониму. С точки зрения В. Швейцера, ««Попытка ревности» не имеет посвящения <...> навеянные разрывом с Род-

зевичем и несостоявшимся романом со Слоনিмом, стихи не относятся персонально ни к тому, ни к другому, а имеют собирательного адресата <...> – прежних и будущих возможных возлюбленных поэта, из увлечения которыми никогда ничего не выходило, кроме горя, недоумения, обиды. И стихов» [18, 321–322].

Любовный опыт, по признанию М. Цветаевой, приобретает особое значение и становится более полнокровным именно в страдании, реализуясь как невозможность встречи или разлука, зачастую по тем или иным причинам непреодолимая. В этой связи приходит на ум высказывание поэтессы: «Все мое желание любви – желание смерти» [15, т. 4/2, 169]. Закономерность подобной психо-эмоциональной установки подтверждает и утверждение М. Цветаевой о том, что «между полнотой страдания и пустотой счастья» ее выбор «был сделан отродясь – и дородясь!» [15, т. 5/1, 72]. Такое восприятие было характерно и для романтической парадигмы. Достаточно вспомнить мысль Ю. М. Лотмана о том, что «романтическая схема любви – схема невозможности контакта <...> То, что любовь выступает всегда как разрыв, характерно для русской романтической традиции от Лермонтова до Цветаевой» [7, 164].

М. Цветаева воспевая разрыв, который становится эпицентром коммуникации в ее любовной лирике, создает понятие «разминовение» и развивает своего рода философскую базу, должную высветить его архетипическую основу. Знаком «разминовения» для М. Цветаевой выступают некие «разрозненные пары». Одной из наиболее значимых трагически «разрозненных пар» осознаются Орфей и Эвридика. Это позволяет М. Цветаевой в своей автомифологии осмыслять разлуку и «разминовение» не только как закономерность своей реальной судьбы (что могло быть обусловлено особенностями психофизиологии поэтессы), но, прежде всего, как повторение мифологической ситуации Орфея и Эвридики. Осмысление любовного опыта в контексте орфического мифа в авторском мире М. Цветаевой очищает любое чувство от сиюминутности земного воплощения, высвечивая приближение участников коммуникации к границе инобытия.

Итак, разлука в цветаевском универсуме становится своего рода проверкой на истинность чувства и его соответствия трагичности архетипического инварианта. Но ревность особая разновидность разлуки и требует иных архетипических соответствий, проявившихся в образе *Лилит*. Образ Лилит, олицетворяющий идею женской избранности – равности Адаму (Ср. «*Не суждено, чтобы сильный с сильным / Соединились бы в мире сем*»¹) и колдовских потенций, метафорически означающих перформативную силу поэтического дара, отмечен предрешенностью разлуки, одиночества и даже отвергнутости:

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и náчисто разбит!)
Как живётся вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

¹ «Не суждено, чтобы сильный с сильным...» – второе стихотворение цикла «Двое» 1924 года, также обращенного к Б. Пастернаку [15, т. 2, 236–237].

Призрачность Лилит и принадлежность иному миру как «моря паров» [5, 283] на смысловом уровне соотносит ее с семантикой имени Марина и образом Психеи – души-дыхания. Лилит выступает своего рода демоническим эквивалентом Психеи и новой вариацией поэта-чернокнушницы. В «Попытке ревности» образ Лилит маркирован вышеотмеченными авторскими кодами и становится символическим воплощением ревности.

Развязка стихотворения преломляет ситуацию. Упреки сменяются признанием ощущения внутреннего единства ревнующей и ее возлюбленного. Такая коммуникативная направленность становится знаком преодоления возникшей разделенности их судеб. Возникает возможность духовной победы ревнующей и примирения с ее избранником. Интенсивность чувства и магическая направленность послания, оказываются способны превозмочь неизбежность разлуки:

<...>

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

Подводя итоги, следует отметить, что в смысловой структуре стихотворения М. Цветаевой «Попытка ревности» в качестве доминанты, сопрягающей различные авторские коды, поэтессой выделяется, прежде всего, ревность. Выявление авторских кодов позволяет интерпретировать мифологическую, психологическую, символическую природу ревности сообразно авторскому осмыслению М. Цветаевой.

В данной статье цветаевское стихотворение «Попытка ревности» проанализировано в плане рассмотрения его доминантной темы – феномена ревности как одного из основополагающих авторских кодов. Такой подход, предлагая определенный тип анализа, дает возможность исследования поэтической системы М. Цветаевой в аспекте выявления скрытых авторских кодов, что открывает перспективы дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

1. Бахрах А. Звуковой ливень / А. Бахрах // Марина Цветаева в критике современников : в 2-х ч. – М. : Аграф, 2003. – Ч. 2 : 1942–1987 годы. Обреченность на время. – 2003. – С. 11–16.
2. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души ; [пер. с фр. И. Г. Меркуловой] / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.
3. Ельницкая С. «Две «Бессонницы» Марины Цветаевой» / С. Ельницкая // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years. Материалы симпозиума. 1994, Published by Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California. – С. 91–110.
4. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
5. Куклев В. К. Лилит / В. К. Куклев // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / [авт. – сост. В. Андреева и др.]. – М. : Астрель : МИФ : АСТ, 2001. – С. 283–285.
6. Леута О. Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста / Леута О. Н. // Юрий Михайлович Лотман / [под ред. В. К. Кантора]. – М. : РОССПЭН, 2009. – С. 294–309.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство – СПб, 2001. – С. 18–252.
8. Лотман Ю. М. Культура и текст как генераторы смысла / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство – СПб, 2002. – С. 162–168.
9. Лотман Ю. М. Люди и знаки / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 5–10.

10. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения / М. Мейкин. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 312 с.
11. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура : [курс лекций]. – М. : Издательский центр Академия, 2007. – 432 с.
12. Саакянц А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. А. Саакянц. – М. : Эллис Лак, 1997. – 816 с.
13. Таянова Т. А. Стихотворение Марины Цветаевой «Попытка ревности»: опыт школьного прочтения / Т. А. Таянова // От текста к контексту. – Ишим; Белово, 2004. – Вып. 4. – С. 71–75.
14. Фариньо Е. Введение в литературоведение : [учебное пособие] / Ежи Фариньо. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
15. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1998.
16. Цветкова М. В. Две «попытки ревности»: сравнительный анализ стихотворения М. Цветаевой и К. Рейна / М. В. Цветкова // Филол. науки. – 2002. – № 4. – С. 105–111.
17. Цветкова М. В. «Ключевые слова» и перевод поэтического текста : на примере стих. М. Цветаевой «Попытка ревности» / М. В. Цветкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2002. – № 2. – С. 133–140.
18. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.
19. Эренбург И. Поэзия Марины Цветаевой / И. Эренбург // Марина Цветаева в критике современников : в 2-х ч. – М. : Аграф, 2003. – Ч. 2 : 1942–1987 годы. Обреченность на время. – С. 98–108.

С.О. Фокіна

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
кафедра світової літератури

СМИСЛОПОРОДЖУЮЧИЙ ПОТЕНЦІАЛ ФЕНОМЕНУ РЕВНОЩІВ У АВТОРСЬКОМУ МІФІ М. ЦВЕТАЄВОЇ 1920-Х РОКІВ

Резюме

У статті досліджується осмислення М. Цветасвою феномену ревнощів крізь призму світоглядних домінат її художнього дискурсу 1920-х років. Аналізується вплив авторських кодів на художню своєрідність вірша М. Цветасвої «Спроба ревнощів». У контексті цвєтаєвського міфу розглядаються показники смислопородження.

Ключові слова: феномен ревнощів, смислопородження, авторські коди, авторський міф, світоглядні домінанти.

S. A. Fokina

Odessa I. I. Mechnikov National University
Department of the World Literature

SENSE-GENERATION'S POTENTIAL OF THE PHENOMENON OF JEALOUSY IN M. TSVETAIEVA'S AUTHORIAL MYTH OF 1920TH

Summary

In the article is analyzed influence of authorial codes on artistic originality of lyric poem of M. Tsvetaeva «An Attempt at Jealousy». The specific of comprehension by the poetess of the phenomenon of jealousy through the prism of worldview dominants of her artistic discourse is investigated. Indexes of sense-generation are studied in the context of Tsvetaeva's myth.

Keywords: the phenomenon of jealousy, sense-generation, authorial codes, author's myth, worldview dominants.

Статтю подано до редколегії 18.10.2013